

«Партия сказала: НАДО...»

С момента чернобыльской трагедии прошло уже 20 лет. Родилось уже следующее поколение, а, кажется, это было совсем недавно. Настолько ярко врезались в память последствия этих событий. Последствия, потому что узнали мы о реальных масштабах трагедии гораздо позже, чем это случилось. Наш разговор — с ликвидатором последствий этой аварии Александром Максимовичем Зайцевым, заместителем начальника Злынковского РОВД, начальником криминальной милиции.

— Александр Максимович, за что вы получили удостоверение ликвидатора, где вам пришлось побывать?

— Мы отселяли 4 деревни в Красногорском районе. Там была очень высокая радиация — фотопленки засвечивались. Были с июля-августа по сентябрь 1986 года, немного больше месяца. В сводном отряде милиции из всех районов. Тогда наш район был Новозыбковским, и из него нас было пятеро. Многих жителей этих деревень расселяли под Брянском, там есть поселочек.

Люди не хотели ехать, бросать свое имущество, приходилось упрашивать, уговаривать людей. Брать им с собой разрешалось только самое необходимое. Весь скот, домашняя птица уничтожались. Приезжали даже из обкома партии тогда, разъясняли людям, что это необходимо. Там торфяники и фосфориты, радиация была очень сильная.

— Много набрали радиации?

— Никто ее не мерил. Когда мы уезжали оттуда, с нас сняли робу, переодели в другую спецовку. Брали кровь у нас, но никто ничего не говорил. Тогда вообще была установка не болтать лишнего, все засекречивали. Вертолеты садились, военные мерили радиацию. Мы сами чувствовали, что она очень большая, судя по показаниям нашего армейского прибора (тогда не было точных электронных дозиметров). Большой такой был, ДП, реагирующий на очень высокий уровень радиации. А сколько там было на самом деле, никто не знал. Говорили, что приборы старые, откуда-то со складов, и они неправильно показывают... Наверняка, уровень радиации был большой, потому что из тех, кто со мной был, по всему нашему управлению осталось работать несколько человек, из моей партии остался работать только я. Недавно был в Брянске в чернобыльском центре, встретил одного своего товарища, он давным-давно на пенсии по инвалидности, как и многие другие. Если бы мы знали тогда...

— Вы ехали добровольно?

— Это сейчас спрашивают: хочешь, не хочешь? А раньше как: ты, ты, ты — давайте сюда! А куда, что — там узнаете, поехали. Тем более, что в те времена мы добровольцы были везде и всегда. Партия ска-

зала: «Надо», комсомол ответил: «Есть»... А я коммунистом в то время был. Никто не спрашивал. Есть решение — в зону отселения. Тогда мы вообще не знали, что это. А первомайская демонстрация была. Такой ливень... Мы тогда тоже в оцеплении демонстрации были, когда шинель снял, я ее уронил, такая набухшая была от воды. Тут люди шли, детей несли. Просто не отдавали себе отчета, что мы делаем.

— С другой стороны, если бы всем сказали сидеть тогда дома, какая бы паника началась... Неизвестно, что было бы хуже.

— Возможно. Разговаривали с военными с вертолета. Открыто они не говорили, но высказывались, что, ребята, зря вы здесь и вообще вы не понимаете, где находитесь. Но мы как-то легкомысленно относились к этому, все воспринимали в розовом свете. Мне было 20 с небольшим.

— Сейчас вы жалеете, что побывали в зоне такой высокой радиации?

— Не жалею. Просто, как говорится, за державу обидно. Ну почему нельзя было нам разъяснить. Возможно, боялись паники. Но объяснить нам, куда едем, что делаем, конечно, надо было. А ведь нас собрали всех вместе, разделили и одну из групп направили прямо в Чернобыль. Это хорошо, что я туда еще не попал. Конечно, есть такая тревожная мысль: а вдруг это как-то скажется. Сверстники, с кем я начинал работать, учились мы вместе, давно все стали инвалидами. У всех заболевания, связанные с радиацией.

